Надежда АЖГИХИНА,
участница V Общемосковского совещания молодых писателей

РЕДАКЦИЯ

РАССКАЗ

«Учителя не выбирают. По воле случая, по некоему стечению обстоятельств вы встречаетесь с людьми, живете с ними бок о бок и только потом вдруг обнаруживаете, что они-то и есть учителя». Так говорил кому-то герой английской книжки, которую дал мне на две недели Димка Ратьпобойников. Хорошо, что у меня с собой оказалась эта книжка и я могу делать вид, что очень ей увлечена. Только почему-то буквы разбегаются в разные стороны и я ничего не могу разобрать.

Я на неудобном стуле, как раз посреди комнаты, где три стола, заваленные бумагами, свертками и фотографиями, и огромное пыльное окно, из которого дует. Сюда все время заходят люди. И не здороваются. Допьют остатки чужого чая из стакана, потушат сигарету в жестянке из-под непонятно чего, покрутятся, махнут рукой и уйдут, хлопнув дверью. И на двери остается вырезка из газеты, крупными буквами: «ВЫ НАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНЫ, УХОДИТЕ!». Как будто специально для меня.

На меня никто не обращает внимания. Бородатый парень, который провел меня мимо вахтера, попросив извинить мне отсутствие паспорта и заверив, что это к нему, неутомимо правит рукописи и гранки, и мне никак не удается толком разглядеть, какие же они — гранки. Нескладный длинный тип грызет ногти за машинкой, некто за горой скомканных бумаг и ящиков от картотеки (его называют не то Фил, на канадский манер, не то Халтурнен) не отрывается от телефона.

— Я не Валерия Рудольфовна, — дотошно объясняет он кому-то. — Да, это я писал. Нет, с вашим журналом не сотрудничаю.

А прямо передо мной, на другом стуле сидит очень уверенная девица и курит. На ней короткая юбка, хотя уже носят длинные, черные чулки в сеточку и сапоги.

Девица начинает разглядывать меня в упор.

Я стараюсь принять неприступный вид и тоже сажусь нога на ногу.

В это время Фил выглядывает из-за ящиков и, не отрываясь от разговора, спрашивает:

— Это у вас паспорта нет?

Я хочу сказать, что шестнадцать мне исполнилось еще летом, но в ЖЭКе работают медленно и что скоро у меня будет самый настоящий паспорт, но вместо этого отвечаю деревянным голосом:

— У меня.

— Написали что?

— Да нет...

— А что? — Он отвлекся к трубке: — Да, да, да! Какой гонорар?

— Я Леонида жду, — с вызовом выпалила я.

— Ага, — и он снова стал набирать номер.

Девица воззрилась на меня так, будто я только что сказала последнюю глупость, и яростно затянулась. Мне захотелось провалиться вместе с моим стулом сквозь все восемь этажей и значительно ниже.

Я никогда не мечтала стать журналистом. Журналистом же твердо решил стать одноклассник Димка Ратьпобойников, разузнал о какой-то школе для юных журналистов и затащил меня за компанию, или, как он говорил, для создания экологической ниши. Димка знал все. Он убеждал, что бывают журналисты-международники и те, кому не повезло. Сам думал стать международником.

— Вас как звать-то? — обратился ко мне бородатый. Здесь его называли Сашкой. В глазах его мелькнуло что-то вроде сострадания.

— Надежда Ильинична,— солидно отрекомендовалась я.

— Понятно. Значит, Надежда...

Тут длинный парень вылез из-за машинки, брюки надулись на коленках пузырем, и он схватил Сашку за рукав:

— Сашк, посмотри, — и сунул ему три странички.

Сашка посмотрел и сказал:

— Дрянь.

Парень вздохнул и снова сел за машинку.

— Так из какой ты, говоришь, школы? — снова спросил этот Сашка.

— Из семьсот десятой, — ответила я.

— Пижонская у вас школа, — заметил он и ушел.

Я снова попыталась читать по-английски. Но читать было решительно невозможно. Мой стул мешал всем, и надо было бы его куда-нибудь переставить, но куда?

— Вы бы в буфет сходили, что ли, — сказал Фил.

Я сказала, что не голодна. Теперь никакой силой нельзя было оторвать меня от ненавистного стула, меня как гвоздями приколотили.

И тут появился Мотыльков, он размахивал какой-то тряпкой.

— Вот! — взмахнул тряпкой. — Джинсовая продукция отечественного производства. Нравится? — и плюхнулся прямо на стол, на свободное от бумаг и писем место. — Создадим рекламу, а? Держи ручку — пиши! — обратился он ко мне.

Я написала, что думала сама о новой продукции и ее воспитательном смысле. Вышло полторы странички.

— И отлично, — сказал Леонид, глянув одним глазом на мою писанину. — Не умеешь ты, старуха, писать, конечно, но, если за тебя взяться, что-нибудь получится. — И умчался.

Мне снова стало тоскливо. Вернулся Сашка.

— Сашк, у меня не получается, — заныл длинный за машинкой, — давай лучше я не буду про него писать.

— Да напиши уж, — ответил Сашка, — чего тебе. Парень хороший, ему легче жить будет.

Длинный вздохнул и уткнулся в машинку носом.

Я бы отдала все на свете, чтобы вот так, как этот тип, сидеть за машинкой и запросто называть Сашку Сашкой. Ратьпобойников, конечно, умный, но он не прав — газета — это то, от чего какому-то парню, которого все ругают, становится легче жить.

— Сашк, ну ты дай ей что-нибудь, я в цех пошел, — сказал Леонид.

Девица поднялась и направилась за ним.

— Знаешь, — сказал Сашка с видимой неохотой, — надо бы тебе еще что-то поручить... Напиши про свой класс, что ли, ладненько?

— В каком жанре? — серьезно спросила я.

Сашка задумался.

— Вообще-то я их знаю три, — сказал он, — большой материал, средний и маленький. Выбирай. Ну, салют!

Я шла пешком до дома, а думала о материале, о том, что никогда не буду сидеть в той комнате и не напишу о парне, чтобы ему стало легче жить. Я решила больше не приходить сюда.

Но я вернулась.

Почему я вспомнила про тот день?

Я не успевала дописать заметку в номер. Найти на столе у себя очень важную бумагу среди клочков, записок, гранок и всякого хлама. Я звонила по телефону, чтобы сказать, что я не стану больше звонить и не стану возвращаться, потому что невозможно перемешивать личное с общественным, что это глупо, наконец. И телефон все время был занят.

Зашел Мотыльков, стряхнул пепел в смятую банку из-под сока манго.

— Знаешь про Сашку? — спросил он.

— Знаю, — ответила я.

Мы помолчали, Мотыльков протянул мне сигарету.

— Читал я твою заметку, — сказал он. — Не умеешь ты, старуха, писать. Но если еще постараешься, все будет хорошо.

Кто-то звонил без конца и спрашивал Сашку.

— Он работает в другом отделе, — отвечала я. — И там с сегодняшнего дня больше не работает. Он работает теперь в другой газете.

Потом открылась дверь, и пришел Сашка. И пришли другие. Мы заварили чай и пили его без сахара, потому что, как всегда, забыли его купить, мы сидели на спинках стульев и на столах и говорили ни о чем, и с точки зрения начальника на другом конце нашего этажа это была типичная бесполезная трата рабочего времени. Из окна дуло, как обычно.

И я заметила, что на одиноком стуле напротив двери сидит девчонка. Нормальная акселератка — длинная, неловкая, в узких брючках и курточке с аппликацией — огромная бабочка с голубыми крыльями во всю спину. Она кого-то ждала. На коленях у нее лежали раскрытая книжка и несколько мелко исписанных тетрадных листочков... Она не читала книжку, она молча глядела на всех нас и на картинку тушью на стене напротив.

О чем она думала?

В № 1 «МЛ» от 6 января с. г. в отчете об обсуждении поэмы С. Смирнова в изложении выступления В. Кострова по техническим причинам (ошибка в стенограмме) допущена неточность: выражение Ив. Бунина приписано А. Твардовскому.